

СЕКЦИЯ 4 ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

К АНАЛИЗУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. Г. ЮНГА: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ИНДИВИДУАЦИИ

Е. В. Орел
Москва, Россия

Понятие «индивидуация» является одним из центральных в концепции религии К. Г. Юнга, однако до сих пор оно было незаслуженно обойдено вниманием исследователей. Если такие понятия, как «архетип» и «коллективное бессознательное», давно стали, так сказать, «паролями» юнгианства, и их теоретический анализ выступает неотъемлемым элементом любого, даже самого поверхностного разговора о концепции Юнга, то об индивидуации говорят значительно меньше; полная и адекватная реконструкция этой категории в ее юнговской трактовке все еще остается нерешенной задачей.

Термин «индивидуация» широко представлен в истории европейской философии. Сейчас едва ли удастся установить, откуда именно этот термин приходит в систему Юнга, обладавшего серьезной философской эрудицией. Можно предположить, что, скорее всего, Юнг заимствует его у Шопенгауэра, коего он был восторженным читателем и почитателем. Насколько нам известно, до Юнга этот термин не появлялся в психоаналитическом контексте. Мы не встретим его ни у Фрейда, ни у других психоаналитиков фрейдовской школы, ни у прочих представителей психологии бессознательного.

Юнг дает рассматриваемому понятию следующее определение: «индивидуация есть процесс образования и обособления единичных существ..., развитие психологического индивида как существа, отличного от общей, коллективной психологии»¹. Далее Юнг указывает, что «индивидуация означает расширение сферы сознания и сознательной психологической жизни»². Сформулируем немного иначе то, что сообщает нам это определение. Во-первых, индивидуация представляет собой *психологическое раз-*

---

¹ Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М.: Аст. 1996. – С. 522.

² Там же. – С. 524.

витие индивида (по-видимому, у Юнга понятия *индивидуация* и психологическое развитие почти совпадают; во всяком случае, психологическое развитие, которое не тождественно процессу индивидуации, Юнг, вероятно, считал бы регрессивным или патологическим); во-вторых, в ходе этого развития психические процессы индивида теряют свой коллективный характер (который с необходимостью присущ им первоначально) и приобретают характер индивидуальный; иначе говоря, психическое развитие индивида состоит в том, что он удаляется от коллективно-всеобщего и идет к индивидуально-особенному; наконец, это движение совпадает с «расширением сферы сознания», которая, заметим, может расширяться только за счет того, что в сознание приходят вещи, ранее пребывавшие в бессознательном.

Еще раз подчеркнем, что Юнг не связывает с индивидуацией представление о каком-то особенном, специфическом, редком, элитарном процессе; речь идет именно об обычном и всеобщем развитии, которое проходит каждый человек в процессе роста, взросления, социализации; это – естественный и прямо-таки неизбежный для здорового, живущего в социуме человека процесс, который предусмотрен его психической (а, весьма возможно, и физиологической) природой. Отметим, что этот процесс носит преимущественно спонтанный характер, т. е. происходит самопроизвольно, часто для самого индивида неосознанно¹. Так же, как желудь несет в себе программу превращения его во взрослое плодоносящее дерево, каковая при благоприятных условиях непременно будет реализована, так и ребенок, появляясь на свет, имплицитно несет в себе программу взросления и роста, которая будет касаться не только «сомы», но и «психе». Банальная, казалось бы, мысль, что каждый человек закономерно проходит

---

¹ Оговоримся, что, общество, конечно, стремится «организовать и возглавить» этот процесс. Все «программы социализации», от первобытных инициаций до новейших университетов, создаются сознательными действиями людей и предполагают сознательное участие учащихся (или испытуемых). Однако подобные программы крайне редко сознательно направлены к цели трансформировать сам характер психических процессов индивида; обычно они представляют собой совокупность процессов, каждый из которых имеет более конкретную и менее глобальную цель (связанную с приобретением индивидом определенных знаний и навыков), а развитие = взросление = индивидуация выступает как «автоматический» суммарный результат.

этапы детства, юности, взросления и зрелости, очевидно, предполагает, что, родившись, человек несет в себе зародыши будущих душевно-духовных способностей, качеств и состояний, реализовать которые он, в известном смысле, предназначен (в данном случае не важно, предназначен он божеством или природой; сам Юнг, конечно, сказал бы, что природой). Дать осуществиться этому «предназначению» (как бы ни трактовалось оно при ближайшем рассмотрении) – в этом «венец стремлений» каждой человеческой души, ее высшая цель, зачастую не явленная сознанию индивида. Потребность в реализации этого импульса оказывается «внутренней пружиной», источником энергии, которой, в конечном итоге, питается значительная часть душевных процессов и которая непосредственно связана с ценностным переживанием.

Не найдя места и способа выражения в сознании человека, импульс к индивидуации, то есть к реализации заложенных в человеческой душе потенциальных возможностей, пребывает в душе в виде бессознательного или полуосознанного влечения; это влечение заставляет человека проходить определенный процесс развития, однако сознанию его является в «зашифрованной», символической форме. Именно это обстоятельство подводит нас непосредственно к вопросу о религиозном аспекте индивидуации.

Юнг склонен трактовать в свете идеи индивидуации все, что так или иначе выступает символом высшей ценности. Это и святой Грааль, который столь упорно ищут рыцари средневековья, и жемчужина, которую герой мифа поднимает со дна (не важно – колодца или океана, важно – что извлекает из воды, потому что вода – это символ бессознательного), и драгоценные кедры, которые добывает Гильгамеш, сразившись с чудовищем Хувавой во главе «отряда молодых неженатых воинов», и философский камень алхимиков, и Гроб Господень, за которым направляются крестоносцы в Иерусалим, – все это, считает Юнг, есть символические коды индивидуации. Для христианской же части человечества наиболее значимым из этих кодов является идея спасения души, поскольку она не сводится к одному только преодолению смерти и вечному райскому блаженству, но предполагает определенную зрелость и совершенство, которые душа человека приобретает в земной жизни¹. Душа должна «состояться», «сбыть-

¹ Это, казалось бы, идет в разрез с верованием, что умершие младенцы, если их успели крестить, сразу попадают в рай; однако крещение, по Юнгу, и есть один из ритуалов, призванных на символическом уровне устранить то, что мешает индивидуации.

ся»¹, человек должен «стать самим собой», «не потерять себя», не «уснуть во греховней смерти»², и религия остается живой и действенной лишь постольку, поскольку реально помогает человеку выйти на верный путь, поскольку оберегает его от всего, что препятствует индивидуации, или позволяет эти препятствия преодолевать.

Заметим, что при этом процесс индивидуации, в понимании Юнга, не исчерпывается одной только социализацией; социализация – лишь первый его этап. Практически индивидуация продолжается (или может продолжаться) всю жизнь, и Юнг нигде и никогда не говорит об этом процессе как о достигшем завершения. Человек не только должен стать социально адекватным индивидом – с течением жизни его индивидуальное, личностное начало должно становиться все более зрелым, он сам – все более цельным, а его самосознание – все более ясным. Это развитие далеко не сводится к одному только накоплению опыта; это сложный, многогранный процесс, перспектива которого – интеграция «самости» в мир индивидуальной психе, если говорить на языке Юнга, или достижение блаженства и мудрости, если говорить на языке общепонятном, или спасение души, если прибегнуть к языку христианской веры.

При неблагоприятных обстоятельствах это развитие (индивидуация) может быть заторможено и даже заблокировано, что ведет к тягостным – иногда трагическим – последствиям для душевного здоровья человека. «Существенно задерживать развитие индивидуальности – значит, искусственно калечить ее»³, – пишет Юнг. Препятствием для индивидуации могут стать многие обстоятельства (и здесь опять уместно сравнение со спонтанным растительным процессом – далеко не каждому желудю доводится вырасти в роскошное, раскидистое дерево). Процесс этот сложен, он не застрахован от неудач, и в своей жизни человек неоднократно сталкивается с обстоятельствами, способными задержать или

---

¹ Как не вспомнить строки из стихотворения Марины Цветаевой «Золото моих волос...»: «Господи, душа сбылась: Умысел Твой самый тайный...» [Электронный ресурс] «Марина Цветаева. Библиотека поэзии». – Режим доступа: <http://cvetaeva.ouc.ru/zoloto-moih-voles.html>.

² Ср. православную молитву: «не даждь мне уснуть во греховней смерти» – молитва 2-я святого Макария Великого // Православный молитвослов и псалтирь. – М., 2000. – С. 7.

³ Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М.; Аст., 1996. – С. 522.

нарушить нормальный процесс его развития, воспрепятствовать индивидуации. Как правило, такие нарушения чреваты душевными расстройствами (или наступают в результате душевных расстройств), и, если дело доходит до психотерапии, то почти всегда перед психотерапевтом стоит задача восстановить либо стимулировать нормальный процесс индивидуации. Импульс к индивидуации может оставаться бессознательным, но возможно сознательное содействие этому процессу со стороны и самого субъекта, и его окружения. Таким образом, индивидуация может выступать не только как процесс спонтанный и самопроизвольный, но и как направляемый или даже инициируемый умелым «психопомпом», знатоком человеческой души.

Если эту проблему решает психотерапевт, то перед ним будет стоять целый ряд задач, ключевыми из которых являются следующие: он должен добиться, чтобы пациент как можно старательнее концентрировался на своих внутренних душевных процессах, должен добиться его внимания к своей душе, трансформировать установку от экстраверсии к интроверсии (для этого пациенту придется, в частности, концентрироваться на своих сновидениях); пациент должен увидеть и интегрировать в сознание свою «тень», то есть все то негативное, что объективно присуще ему и что он прежде не осознавал (говоря фрейдовским языком, вытеснял); как можно больше содержаний бессознательного должны стать сознательными (в этом смысле Юнг далеко не чужд девиз Фрейда «где было Оно, должно стать Я»); подчиненная, вытесненная в бессознательное функция (мышление, эмоции, ощущение или интуиция) должна быть возвращена в сферу сознания, а доминировавшие до того сознательные функции должны потесниться и дать ей место; то же касается установки (экстраверсия – интроверсия).

Если религия предоставляет символические формы для осознания индивидуации, значит ли это, что она способна также направлять и стимулировать этот процесс и в этом отношении заменить собой психотерапию? Юнг далек от того, чтобы утверждать идентичность религиозного процесса с процессом психотерапевтическим, однако он и не отрицает высокого психотерапевтического потенциала некоторых религий. Работая с пациентом, утратившим веру, он всегда рекомендует ему вернуться в лоно родной религии, находя, что это всегда положительно сказыва-

ется на ходе лечения, особенно если пациент воспитывался в католической семье. При этом в системе символов, составляющих религиозное вероучение, Юнг неизменно усматривает драму индивидуации, и приобщение к этим символам представляется ему пусть окольным, но все же верным путем, по которому следует идти человеку, жаждущему «стать самим собой». Интенсивность религиозной жизни часто предполагает повышенное внимание человека к своему душевному состоянию; борьба с искушениями, исповедание грехов, размышления над собственным несовершенством нацеливают его на интеграцию в сознание «тени», или вытесненной темной стороны собственного Я; что же касается реабилитации вытесненных в бессознательное функций, то относительно этого Юнг высказывает интереснейшую гипотезу, связанную с религиозным обращением.

Сказанное позволяет заключить, что в модели «homo religious», которой оперирует К. Г. Юнг, именно индивидуация играет роль осевого стержня, вокруг которого формируется вся система религиозной жизни индивидуальной души. Утверждая, что религия означает «особую установку сознания, измененного опытом нуминозного»¹, Юнг, не считает, однако, что нуминозный опыт, источником которого всегда является встреча с коллективным бессознательным, представляет собой самоцель или самостоятельную ценность религиозной жизни. Нуминозный опыт может переживаться его носителем как нечто сверх-ценное, но, с точки зрения душевного процесса в его целостности, он имеет ценность не только непосредственную, но и как средство или путь, как импульс к возвращению души на путь, предназначенный ей ее изначальной природой. Измененная нуминозным опытом установка сознания (т. е. религиозная установка) подобна вновь обретаемой человеком «нити Ариадны», которая ведет его к высшей самореализации, к «сбыванию» души, к просветлению и силе. Таков, по Юнгу, самый глубинный, самый непререкаемый императив человеческой души – импульс возобновлять вновь и вновь нескончаемый и трудный процесс индивидуации.

---

¹ Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М., 1992. – С. 134.